

Виктория Шалдова

Рига, Латвия

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ХОЛОКОСТА)

В разговоре с Густавом Яноухом Франц Кафка однажды сказал: «Мы, евреи, рождаемся уже стариками... Мы ходим по широким улицам вновь отстроенного города. Но наши шаги и взгляды неуверенны. Внутренне мы еще дрожим, как в старых улочках нищеты. Наше сердце еще ничего не знает о проведенной реконструкции. Нездоровый старый еврейский квартал в нас гораздо реальнее, чем гигиенический новый город вокруг нас. Бодрствуя, мы идем сквозь сон — сами лишь призраки ушедших времен...»¹.

Примеров подобных явлений и состояний, когда происходившее с предками для людей актуальнее, нежели современное, в художественной литературе описано множество и они носят разные названия: память предков, чужие воспоминания, призраки прошлого... Но то, что замечено писателями, не столь популярно среди психологов. Несмотря на важность проблемы, социальная память, а именно о ней идет речь, крайне редко обсуждается в научных работах, причем чаще всего — поэлементно: как социальные представления в психологии, ментальность в истории, трансформация культуры в культурологии. Безусловно, все это является составными частями данного явления и заслуживает обсуждения, но целостный подход к социальной памяти еще впереди.

Социальная память как составляющая социального познания обладает всеми характеристиками оного, выделенными Г. М. Андреевой в книге «Психология социального познания»². Четыре этапа работы с информацией: внимание, кодирование, хранение и воспроизведение, особенности каждого этапа и их детерминанты — все это можно отнести и к социальной памяти. Но временная перспектива, искажение информации с переходом из поколения в поколение, изменения в самих поколениях позволяют сделать предположение о некоторых особенностях предмета нашего изучения.

Вряд ли нужно говорить о значимости данной темы для теоретической и практической социальной психологии, о возможности анализировать влияние событий прошлого на последующие поколения, прогнозировать социальные изменения, влиять на общественное сознание.

Актуальность же данной работы можно рассматривать в двух ракурсах. Во-первых, это значимость самой проблемы социальной памяти, рассмотренная выше. Во-вторых, тематика эмпирического исследования — Холокост — тоже представляет интерес для этнопсихологии. Дело в том, что связи с прошлым, характерные для любого небольшого народа, в психологической науке обычно не рассматриваются. Тем не менее влияние значимых исторических событий весьма ощутимо в процессе национальной идентификации, внутри- и межгруппового восприятия и взаимодействия, самосознания, самовосприятия, самопринятия,

поэтому результаты данной работы могут быть использованы и в исследованиях, непосредственно с социальной памятью не связанных.

В данной работе явление социальной памяти обсуждается в ракурсе, отличном от большинства работ, в коих оно упоминается. Мы понимаем социальную память как влияние событий, пережитых предками, на потомков. Мы предполагаем наличие не зафиксированной в материальных источниках информации, циркулирующей в рамках семьи и определяющей некоторые аспекты когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферы личности потомков. Способы передачи информации о пережитых событиях заключены не только в устных семейных историях, но и в стиле воспитания детей, семейном укладе, жизненных установках членов семьи, переживших эти значимые события. С другой стороны, семейный опыт значимых событий влияет не только на когнитивное и эмоциональное отношение молодого поколения к оным, но и на более глубокие, непосредственно не связанные с этим опытом личностные образования, что и является результатом воздействия социальной памяти. Как видно из обзора литературы, таким образом к социальной памяти не подходил ни один исследователь.

Не случайно для анализа было выбрано значимое событие — Холокост. С одной стороны, истребление шести миллионов человек только за принадлежность к определенной национальности не может оказаться незамеченным ни одним представителем этой национальности. По результатам американских исследователей, наиболее важным символом еврейской культуры и истории Холокост считают 85 % взрослых американцев еврейского происхождения³. В то же время еще живы люди, пережившие гетто или концлагерь, видевшие смерть своих близких и участвующие сейчас в воспитании внуков. С другой стороны, есть множество еврейских семей, где нет непосредственного опыта Холокоста. Таким образом, существует возможность выяснить не только наличие социальной памяти, но и определить, является ли семейный опыт пережитых событий необходимым условием ее влияния на последующие поколения или она существует и на макроуровне, являясь атрибутом не семьи, но народа.

Основные подходы к изучению социальной памяти

Одним из немногих авторов, упоминавших понятие «социальная память», был Габриель Тард в своей книге «Социальная логика»⁴. Он связывает память с сознанием, а оное — с подражанием. Итак, устоявшаяся, твердая, бессознательная приверженность индивида понятиям и правилам вначале была осознанным подражанием предкам, постепенно переходя в пласт бессознательного. Г. Тард пишет: «...подражание оказывается точно соответствующим памяти; в самом деле, оно представляет собою социальную память, настолько же существенно важную для всякого проявления деятельности, настолько же необходимую в каждое мгновение общественной жизни, насколько существенно важна и постоянна работа памяти в уме... Память также двойственна, как наше я. Поскольку она повторяет и удерживает в себе суждения, постольку она представляет собой собственно воспоминание, понятие; поскольку она повторяет и удерживает в себе цели, решения, постольку она привычка, средство. Подобным же образом подражание... бывает двух родов: когда оно заключается в повторении новой идеи, открытия, передаваемого из уст в уста, тогда оно называется предубеждением, представляющим собой социальное понятие; когда же оно заключается в повто-

рении нового приема деятельности, нового изобретения, тогда оно получает название обычая»⁵.

Итак, подражание для Г. Тарда является основным механизмом формирования социальной памяти, которая, в свою очередь, определяется как хранилище понятий, обычаев, предубеждений и т. д., заимствованных из жизни предков. Разумеется, это правда, но лишь часть ее. Если сто лет назад подобные высказывания казались революционными, то сегодня мы обращаемся к ним как к исходной точке.

Другой классик социальной психологии — Гюстав Лебон вслед за Г. Спенсером, не пользуясь выражением «социальная память», по сути говорит о ней в своей «Психологии народов и масс»⁶. Влияние, которому подвергается индивид на протяжении жизни, он делит на три группы. Первое и, вероятно, самое важное — влияние предков; второе — влияние непосредственно родителей; третье, которое считают самым могущественным и которое, однако, есть самое слабое, — влияние среды. Эта последняя, если понимать под ней различные физические и нравственные влияния, которым подвергается человек в продолжение своей жизни и, конечно, в продолжение своего воспитания, производят только очень слабые изменения. Влияния среды начинают оказывать реальное воздействие только тогда, когда наследственность накапливала их в течение очень долгого времени.

Далее на примере расы Г. Лебон говорит о социальной памяти на макроуровне, в масштабах большой группы и на примере длительных межпоколенных связей. Раса, по его мнению, состоит не только из живущих индивидуумов, образующих ее в данный момент, но также из длинного ряда мертвых, которые были их предками. Они управляют неизмеримой областью бессознательного — той невидимой областью, которая держит под своей властью все проявления ума и характера. Судьбой народа в гораздо большей степени руководят умершие поколения, нежели живущие. Они передают нам не только физическую организацию, они внушают нам также свои мысли. Покойники суть единственные неоспоримые господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их добродетели⁷.

Руководствуясь логикой воздействия социальной памяти, стоит обратиться к смежной с психологией области — истории ментальностей. Несмотря на замену термина «социальная память» на «ментальность» и не столь психологизированный подход, точка зрения последователей школы Анналов на изменения в истории, перенесенные на изменения в ментальности, очень полезна в понимании механизмов социальной памяти⁸.

При всем многообразии формулировок все же можно определить объект изменений — ментальность — следующим образом. Это не сформулированные явно умственные установки, общие ориентации и привычки сознания, «психический инструментарий», «духовная оснастка», находящиеся глубже категорий мышления, норм поведения и сферы чувств. Это нечто неструктурированное, некая предрасположенность, внутренняя готовность человека действовать определенным способом, область возможного для него. Это «нечто» проявляется, только проецируясь на экраны различных символических практик, материализуется в мышлении, чувствах и действиях.

Ментальность можно представить не как единую систему, а как сумму или пересечение различных «сеток» (микропарадигм, стереотипов), которые не только взаимно увязаны, но и могут приходить в противоречие.

С другой стороны, историческая ментальность — это сочетание способов и содержания мышления и восприятия, которое является определяющим для данного коллектива в данное время. Ментальность выражается в действиях.

Понятие «содержание мышления и восприятия» содержит в себе общезначимые для данной культуры базовые убеждения; идеологические, политические, религиозные, эстетические, этические и прочие концепции, которыми пронизаны религии, культуры и искусства, в той мере, в какой они осознаваемы. Они могут быть вербализованы (хотя бы потенциально, абстрактно, как, например, представления, воплощенные в образах, метафорах, аллегориях) и являются предметом дискурсивной рефлексии.

С точки зрения автора последнего подхода Динцельбахера⁹, поведение человека в значительной мере формируется именно за счет неотрефлектированного присвоения — интериоризации — исходно сознательного «мыслительного багажа». Такова вся история этических норм: наше отношение к сексуальности, например, базируется на принципах, провозглашавшихся христианскими теологами в позднеантичные времена. За два тысячелетия они были настолько интериоризованны, что соблюдаются в качестве норм поведения в обществе также и большинством неверующих, и их нарушение может произойти только в виде сознательного слома табу.

Итак, известную схему Броделя, различавшего три вида продолжительности в истории, можно, по мнению Ж. Дюби¹⁰, применить и к ментальным процессам.

Одни из них быстротечны и поверхностны (например, резонанс, вызванный проповедью, скандал, рожденный необычным произведением искусства, кратковременные народные волнения и т. д.). Именно на этом уровне формируются отношения между индивидом и группой (возникает реакция группы на действие индивида и реакция индивида на давление со стороны группы).

Менее быстротечные, средние по продолжительности ментальные процессы затрагивают не только индивидов, но и социальные группы целиком. Как правило, речь идет о плавных, без резких изменений, трансформациях такого типа (например, изменение эстетического вкуса в образованной части населения) рождают известное всем явление: дети рассуждают, чувствуют и выражают себя не так, как это делали их родители.

Следующий уровень — «темницы долгого времени» (по Броделю), ментальные структуры, упорно сопротивляющиеся изменениям. Они образуют глубокий пласт представлений и моделей поведения, не изменяющихся со сменой поколений. Совокупность этих структур придает каждой длительной фазе истории специфический колорит. Впрочем, и эти структуры не вполне неподвижны: Дюби полагает, что их изменение происходит в результате довольно быстрых, хотя, может быть, и незаметных ситуаций. Наконец, Дюби упоминает еще один, наиболее глубоко залегающий ментальный слой, связанный с биологическими свойствами человека. Он неподвижен или почти неподвижен, изменяясь вместе с эволюцией самих биологических свойств.

Что же конкретно является объектом изменений? А. Я. Гуревич вводит понятие модели мира — «сетки координат» для восприятия действительности и построения образа мира¹¹.

Моделью мира человек руководствуется в поведении, с помощью ее категорий отбирает импульсы и впечатления и преобразует во внутренний опыт — интериоризует, что совпадает с точкой зрения Динцельбахера. Эти категории предшест-

вуют идеям и мировоззрению, формирующимся у членов общества или его групп и поэтому, сколь бы различными ни были убеждения и идеология этих индивидов и групп, в основе их можно найти универсальные, для всего общества обязательные понятия и представления, без которых невозможно построение идей, теорий, философских, эстетических, политических и религиозных концепций и систем.

Модель мира, по мнению А. Я. Гуревича, состоит из двух больших групп категорий: социальные и универсальные — космические¹². К социальным он относит категории индивида, социума, свободы, богатства, собственности, права, справедливости и т. д.; к космическим, а вместе с тем и определяющим категориям человеческого сознания — понятия и формы восприятия действительности, такие как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому. Членение общества на социальный и природный космос весьма условно, но для лучшего понимания проблемы вполне понятно.

Не лишне еще раз привести мысль, что основные концептуальные понятия и представления цивилизации формируются в практической деятельности, на основе опыта и традиций, унаследованных от предыдущей эпохи. Определенной ступени развития производства, общественных отношений и т. д. соответствуют определенные способы переживания мира. Они отражают общественную практику и вместе с тем определяют поведение индивида и групп. Поэтому они и воздействуют на общественную практику, способствуя тому, что она отливается в формы, отвечающие модели мира, в которые группируются эти категории.

Заканчивая разговор об историках, стоит сказать несколько слов о выделяемых Рольфом Шпранделем двух типах групп, связанных с ментальностью¹³. В первом случае ментальность (каким-либо образом материализованная, например в определенном литературном произведении) предшествует образованию группы и стимулирует его.

Существуют и группы другого рода, «духовный профиль» которых задается их объективным социальным положением. Шпрандель считает, что намеченные группы есть идеально-типические полюса, большинство же реальных обществ занимает промежуточное положение между ними.

Следует также, по мнению Р. Шпранделя, различать группы, активно выковывающие новую ментальность (это, как правило, малые группы с интенсивной внутренней коммуникацией) и широкие сообщества незнакомых людей, улавливающих и «использующих» существующие в обществе настроения.

Не о памяти, а о представлениях говорят представители французской социологической школы. Для нашей статьи это может быть полезно, так как социальная память здесь представляется как место хранения и способ передачи социальных представлений из поколения в поколение. Не вдаваясь в подробности концепции С. Московиси, можно привести некоторые ее аспекты, связанные с социальной памятью.

Не углубляясь в историю возникновения этого понятия, сразу же раскроем его. Наиболее общее определение принадлежит, по-видимому, Д. Жоделе, ученице и последовательнице С. Московиси: «Категория социального представления обозначает специфическую форму познания, а именно знания здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловленно. В более широком плане социальные представления — это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социально-

го, материального и идеального окружения. Как таковые они обладают особыми характеристиками в области содержания, ментальных операций и логики. Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределены контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым они служат во взаимодействии с миром и другими людьми... они представляют собой способ интерпретации и осмысления повседневной реальности, определенную форму социального познания, предполагающую когнитивную активность индивидов и групп и позволяющую им фиксировать свою позицию по отношению к затрагивающим их ситуациям, событиям, объектам и сообщениям»¹⁴.

По мнению авторов концепции, социальные представления описываются моделью, содержащей три измерения: информация, поле представлений и установка. Информация понимается как сумма знаний об объекте представления. Определенный уровень информирования — необходимое условие формирования социального представления. Поле характеризует представления с качественной стороны. Оно существует там, где представлено «иерархизированное единство элементов», более или менее выраженное богатство содержания, наличествуют образные и смысловые свойства представления. Содержание поля является характерным для определенных социальных групп. Установка выражает общее отношение субъекта к объекту представления. В отличие от предыдущих двух измерений, установка может существовать при недостаточной информированности и нечеткости поля представлений. На этом основании С. Московиси делает вывод о генетической первичности установки.

Социальные представления имеют образный характер, при этом Московиси настойчиво отстаивает его понимание как активного созидającego начала, а не зеркального отображения объекта. «Социальное представление необходимо рассматривать в активной форме. Поскольку его ролью является обработка данных внешнего мира, оно, конечно, репродуктивно. Но эта репродукция содержит в себе реинтерпретацию воспринятых структур, пере моделирование элементов и реконструкцию данных»¹⁵.

Кроме активности, представления характеризуются еще и ориентировочной, направляющей деятельностью. Именно посредством представлений факты окружающего мира подвергаются трансформации, оценке, чтобы стать знанием, используемым в повседневной жизни. С. Московиси писал: «Представление — не просто промежуточная инстанция, а процесс, который делает понятие и восприятие в каком-то смысле взаимозаменяемыми, поскольку они взаимно порождают друг друга»¹⁶.

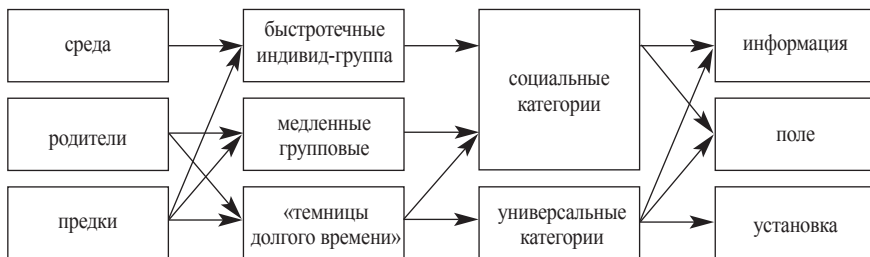
Большое внимание в концепции уделяется, во-первых, социальным функциям представлений. Важнейшая из них — функция познания, разложимая на описание, классификацию и объяснение. Во-вторых, это опосредование поведения. «Форма знания» (С. Московиси), «подструктура когнитивного универсума» (Ж. П. Кодол), «продукт умственного конструирования реальности» (Р. Кайез), социальное представление призвано участвовать в процессах формирования поведения и ориентации социальных коммуникаций¹⁷. И наконец, третья функция представлений — это адаптация новых социальных фактов к уже существующим, сформировавшимся взглядам, оценкам, мнениям.

К сожалению, о процессе формирования социальных представлений, столь важном для нашей проблематики, из концепции С. Московиси можно судить

лишь условно. Для авторов «формирование — это скорее возможная связь феноменов»¹⁸. Феноменом является элемент обыденного сознания, в форме и посредством которого субъект знакомится с миром, т. е. представление является продуктом конструирования реальности из образов и понятий.

Для анализа того, как происходит «вписывание» объекта представления в ранее выработанную, сложившуюся систему знаний, С. Московиси вводит понятие «идентификационной матрицы». Они носят оценочный характер, связывают поступающую информацию с определенными социальными категориями, наделяя объект представления соответствующим смыслом и значением. Несомненна для Московиси социальная отнесенность матриц, зависимость разрешенного и запрещенного от принадлежности к определенному классу.

Итак, подводя итог теоретическому обзору явлений, максимально приближенных к социальной памяти, можно предложить следующую интегрирующую схему.

Как это видно, под социальной памятью мы подразумеваем второй уровень влияния, т. е. влияние на индивида родительской семьи, обеспечивающее медленные трансформации в пределах группы. Этому влиянию подвержены в первую очередь социальные категории модели мира, в терминах С. Московиси, имеющиеся информацией и полем.

Безусловно, вспоминая Г. Спенсера в изложении Г. Лебона, можно говорить и о влиянии предков, глубинных структур массового сознания на категории более поверхностные, и это тоже подпадает под определение социальной памяти, но на макроуровне. К тому же мы сделали предположение о влиянии родителей на «темницы долгого времени», т. е. на структуры более глубокого порядка. Эта гипотеза возникла в результате эмпирического исследования и требует более детального обсуждения.

На практике проблема социальной памяти реализовалась в психотерапии. К методам сбора данных и коррекции можно отнести, например, технику анализа ранних воспоминаний А. Адлера, подробно описанную в статье Е. Н. Исполатовой и Т. П. Николаевой¹⁹. Метод основан на положении психоанализа о том, что в самом раннем детском воспоминании находят выражение базисные жизненные установки человека, основные жизненные трудности и способ их преодоления, содержится фундаментальная оценка человеком самого себя и своего положения — словом, все, что, как мы уже видели, может быть результатом воздействия социальной памяти. Иными словами, ранние детские воспоминания могут служить местом хранения информации, передаваемой описываемым нами способом, и поэтому быть весьма диагностичными.

Другой случай применения понятия социальной памяти на практике непосредственно связан с нашей эмпирической проблематикой. Уже несколько лет на ежегодных конференциях Международной ассоциации семейных психотерапевтов проводятся группы встреч для детей жертв Холокоста и детей немецких солдат²⁰. Считается, что след Холокоста остался как в коллективном бессознательном, так и в сознании каждого из этих людей. Нет нужды останавливаться на процедуре этих групп, подробно описанной в статье Ф. Каслоу, но некоторые из наблюдений этого терапевта стоит упомянуть. Самой сложной темой для своих клиентов он считает родительско-детские отношения. Их родители находятся на двух полюсах континуума: одни постоянно говорят о Холокосте, другие не говорят о нем вообще. Часто отец замкнут, а мать разговорчива. У этих людей есть одна общая особенность — идентичность, обостренная наследием войны.

Абсолютное большинство из них, пишет Ф. Каслоу, многого достигли, сделали карьеру в так называемых гуманных профессиях, более, чем другие, озабочены благополучием своих родителей. Тень Холокоста вынуждает детей прорываться сквозь ужасающий опыт родителей давностью в шестьдесят с лишним лет. Они вынуждены оплакивать родственников, с которыми никогда не встречались, но ощущают их присутствие в своей жизни. Все эти качества встречаются у людей, живущих как в Израиле, так и в столь благополучных странах, как Швеция, США, Великобритания.

Потомки немецких солдат обычно говорят о стыде и вине, отдалении от родителей, которые не обсуждают с ними этот период истории и свою роль в нем, отсутствие идентификации со своей страной и потребность любить ее, о вреде и комедийности отрицания происшедшего.

Выводы Ф. Каслоу еще раз подтверждают влияние социальной памяти на всю структуру личности, не только и не столько когнитивную, сколько эмоционально-волевою. Об этом и пойдет речь в эмпирической части нашего исследования.

Опыт эмпирического исследования социальной памяти

В качестве основной гипотезы нашего исследования выдвигалось следующее утверждение: существуют некоторые не зафиксированные в материальных источниках способы передачи информации через поколения о пережитых значимых событиях, обеспечивающие влияние последних на последующие поколения. А именно: наличие в семье опыта проживания значимых событий положительно влияет на сферу сознательного и бессознательного отношения к этим событиям (гипотеза 1.1), оптимизирует социальную адаптацию (гипотеза 1.2), фацилирует механизмы идентификации и социализации (гипотеза 1.3), трансформирует ценностно-смысловую сферу потомков (гипотеза 1.4).

Целью исследования, исходя из вышесказанного, ставилось изучение влияния «нематериализованной» информации о пережитых предками событиях на мировоззрение потомков.

Задачами исследования было:

- 1) анализ когнитивного и эмоционального компонентов отношения двух групп молодежи к Холокосту;
- 2) анализ некоторых аспектов национальной идентичности двух групп респондентов;

- 3) анализ адаптационных интенций и способностей;
- 4) анализ ценностно-смысловой сферы респондентов.

В качестве объекта исследования выступали 30 молодых людей в возрасте 16—18 лет (13 юношей и 17 девушек), чьи родственники не пережили Холокост, и 30 подростков того же возраста (14 девушек и 16 юношей), чьи родственники во время войны были в гетто или концлагере. Наши респонденты были учащимися 11—12-х классов еврейских школ Москвы и Риги, приблизительно одинаково социализированные, обладающие сходным уровнем образования и интеллекта. Несмотря на то, что подробная индивидуальная диагностика не входила в задачи нашего исследования, можно утверждать, что психологический, а тем более психоатрический статус респондентов находился в пределах возрастной нормы.

Безусловно, необходимо было учитывать специфичность выборки, а именно, преподавание еврейских дисциплин в школах, внеклассные мероприятия, способствующие национальной идентификации, круг общения, состоящий в основном из евреев. С целью свести эти особенности к минимуму, были выбраны общеобразовательные школы, не патронируемые религиозными организациями, где выпускники готовятся к поступлению в обычные светские вузы и не связывают свою судьбу со специфичными еврейскими проблемами.

Предмет данного исследования можно развести на две подкатегории. Во-первых, это элементы когнитивной и эмоциональной сферы: знание и отношение молодых людей к ключевому событию, национальная идентификация, ценностные ориентации, смысловые планы. Во-вторых, это область бессознательного отношения к себе, миру, страхи, неосознанное отношение к будущему и т. д.

В данной работе вводятся следующие основные понятия:

1) Холокост — массовое истребление евреев нацистами во время Второй мировой войны;

2) жизненная установка — целостное, недифференцированное бессознательное состояние субъекта, влияющее на выбор его жизненного пути, врожденные или приобретенные формы поведения;

3) групповая (национальная) идентификация — отождествление себя с какой-то социальной группой или общностью, принятие ее целей и ценностей, осознание себя ее членом;

4) ценностные ориентации — индивидуальные или групповые представления о системе значимых ценностей, определяющих наиболее общие ориентиры их жизнедеятельности. Эти представления формируются в процессе социализации путем интериоризации групповых и общекультурных ценностей;

5) смысловые ориентации — личностное образование, включающее в себя наличие целей, придающих жизни осмысленность, направленность и временную перспективу, восприятие наполненности и эмоциональной насыщенности жизни, оценку результативности жизни и удовлетворенность самореализацией;

6) ценность — устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения либо конечная цель существования;

7) терминальные ценности — убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться;

8) инструментальные ценности — убеждения в том, что какой-то образ действия является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях.

Материал исследования состоял из трех частей: специально разработанного вопросника, трех тестов, направленных на изучение ценностно-смысловой сферы, и двух рисуночных проективных методик.

Вопросник состоял из нескольких блоков.

Во-первых, вопросы, посвященные знанию о Холокосте: количество погибших, места уничтожения, другие народы, подвергшиеся геноциду и т. д.

Во-вторых, вопросы, затрагивающие отношение к Холокосту: нужно ли рассказывать детям о Холокосте и почему; рассказывали ли вам в семье об этом; ассоциации со словами, непосредственно связанными с Холокостом: «гетто», «немцы», «Варшава», «расстрел» и т. д.

В-третьих, вопросы по национальной идентификации: от кого вы узнали о своей национальности; какие чувства вызывает у вас принадлежность к ней; напишите семь прилагательных, характеризующих представителя вашей национальности; значение национальности при знакомстве и в стабильном браке; отношение к национальным традициям и кухне.

В-четвертых, наиболее важным здесь нам представляется блок проективных вопросов, выявляющих скорее бессознательные структуры, а именно словесные ассоциации и незаконченные предложения. Тематически их можно разделить на пять частей.

Блоки были выбраны не случайно, они явились результатом пилотажного проведения опросника ценностных ориентаций.

Во-первых, вопросы и слова, связанные с национальной идентификацией: «антисемит», «еврей», «Израиль», «я чувствую себя евреем, когда...», «национальность человека для меня...» и т. д. (см. приложение).

Во-вторых, отношение к семье выявлялось ассоциациями на понятия: «семейная история», «дети», «любовь», «в детях прежде всего нужно воспитывать...», «история моей семьи начинается с...» и т. д.

В-третьих, будущее, жизненные планы — карьера, успех. «Планируя будущее, я делаю акцент на...», «в жизни я хочу достичь...» и т. д.

В-четвертых, основные ценностные ориентации, выявленные в опроснике ЦО (см. ниже): свобода, счастье, дружба, «счастливая жизнь — это...», «в человеческих отношениях я больше всего ценю...» и т. д.

В-пятых, лишь словесными ассоциациями выявлялись страхи, ибо столь личностный материал, как показало пилотажное исследование, не раскрывается в незаконченных предложениях. Итак, предлагались слова: «страх», «ужас», «погром», «горе». Данные, полученные в этой части исследования, обрабатывались посредством контент-анализа.

Во второй части исследования изучалась ценностно-смысловая сфера респондентов с помощью методики изучения ценностных ориентаций.

Методика изучения ценностных ориентаций, адаптированная Д. А. Леонтьевым, заключается в шкалировании фиксированного и заранее известного набора объектов (ценностей) по задаваемым инструкцией шкалам с помощью ранжирования. В основе ее лежит методика М. Рокича, который различает два класса ценностей — терминальные и инструментальные.

Стимульным материалом здесь служат два списка по восемнадцать ценностей (терминальных и инструментальных) с краткой расшифровкой содержания

каждой. Испытуемому предлагается проранжировать оба списка ценностей, а затем оценить в процентах степень реализованности каждой из них в своей жизни. Совокупные иерархии ценностей обеих групп составлялись путем подсчета стандартных отклонений в статпакете *Study*.

Кроме этого испытуемым предлагалось два психологических рисунка со следующей инструкцией: «На одном листе нарисуйте прошлое, настоящее и будущее, на другом — страх и напишите несколько слов о чувствах, у вас возникающих. Старайтесь рисовать не конкретные предметы, а символы. Качество рисунка роли не играет».

Результаты исследования и их обсуждение

1. Анализ осознанного и неосознанного отношения респондентов к Холокосту. В качестве рабочей гипотезы мы выдвигали предположение, что как сознательное, так и неосознанное отношение к Холокосту у подростков, в чьих семьях есть опыт этого события, будет гораздо более эмоционально окрашено, личностно соотнесено, драматично и т. д., ибо наличие в ближайшем окружении свидетелей и участников трагедии должно было бы спровоцировать подобную закономерность. Результаты же оказались несколько иными.

Контент-анализ словесных ассоциаций и незаконченных предложений и анализ рисунков позволили выдвинуть к обсуждению несколько категорий данных. Прежде всего это страхи. Предполагалось, что у группы подростков с опытом Холокоста в семье военная и национальная тематика будет выражена гораздо ярче, чем у их сверстников из другой группы. Подобная разница могла бы быть объяснена бессознательным отношением к событиям истории, сформированным в семье, или, иными словами, воздействием социальной памяти.

В обеих группах (22 рисунка страха в группе с опытом Холокоста и 24 рисунка во второй группе) свастика заняла по численности первое место: по шесть рисунков в каждой группе. В тесте словесных ассоциаций на слово «страх» 13 % ассоциаций в первой группе и 18 % во второй были связаны с Холокостом и другими видами геноцида: «фашизм», «нацизм», «погром», «катастрофа» и т. д. Подобная ситуация и со словами: «горе» — 6 и 10 % «военных» ассоциаций соответственно, «погром» — 10 и 12 %, «ужас» — 67 и 33 %, «антисемитизм» — 11 и 16 %.

Как видно, в большинстве случаев подростки, не испытывавшие на себе прямого влияния родственников, переживших Холокост, выражают гораздо более эмоционально окрашенное отношение к этим историческим событиям. Тем самым была опровергнута наша гипотеза об усиливающем влиянии опыта события в семье на отношение к нему у потомков.

Однозначно объяснить этот факт очень сложно. Можно предположить, что люди, пережившие Холокост, старательно ограждают своих детей от травмирующей информации. Возможно, что события Катастрофы «одомашнились» в семьях, ее переживших, и поэтому не всплывают в ассоциативных рядах в первую очередь. В любом случае, нужно иметь в виду существование некоего фактора, приравняющего бессознательное отношение подростков из обеих групп к этим историческим событиям.

2. Влияние опыта Холокоста на социальную адаптацию респондентов. Как уже говорилось, мы предполагали, что респонденты с опытом Холокоста в семье продемонстрируют лучшую социальную адаптацию, более высокую мотивацию достижений, способность к успешному

позиционированию в обществе. Разумеется, нетрудно догадаться, что люди, пережившие столь трагическое событие, будут ориентировать своих детей и внуков на достижения, успешность в социуме как на компенсацию принадлежности к «группе риска».

Результаты методики изучения ценностных ориентаций действительно подтвердили нашу гипотезу.

Первое, что бросается в глаза, это предпочтение подростками из группы с опытом Холокоста в семье целей, обеспечивающих прочное положение в социуме, ориентированных на будущее, более рациональных. Это счастливая семейная жизнь, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, познание, здоровье, общественное признание, т. е. то, что входит в социальный стереотип успешного человека. В то же время представители второй группы предпочитают менее рациональные цели, направленные на эмоциональный комфорт, на развитие внутреннего мира: любовь, наличие хороших друзей, уверенность в себе, развитие, жизненная мудрость, т. е. то, что в меньшей степени соответствует социальным ожиданиям.

Исходя из этого можно предположить, что в семьях, где в опыте есть пережитые экстремальные события и выход из них, стиль воспитания центрирован на достижении реально ощутимых результатов, на стремлении к прочной позиции в обществе, на внешнем признании социумом. Безусловно, люди, пережившие геноцид, реально завышают планку достижений у своих детей и внуков, дабы компенсировать тем самым существующие у них особенности, в нашем случае — национальность. Не факт, что это осознается и вербализуется в семье, но наличие сего как бессознательной установки можно предположить.

Несколько слов можно сказать и об оценке степени реализованности этих ценностей в обеих группах.

Во-первых, нужно отметить, что представители первой группы оценивают реализованность в процентах намного ниже, чем представители второй. Это можно объяснить уже упоминавшейся завышенной планкой достижений, существующей, по нашему допущению, в семьях с экстремальным прошлым опытом. Вполне возможно, что люди, пережившие Холокост, несколько иначе относятся к жизни, ценят ее больше и, следовательно, активнее реализуют себя в ней. Поэтому точка отсчета для их детей и внуков смещена по сравнению с их сверстниками.

Во-вторых, это подтверждает предположение об ориентации на будущее, на пролонгированное достижение целей. Иными словами, если во второй группе преобладали оценки от 60 до 100 %, а в первой — от 5 до 30 %, то это можно интерпретировать как сформированную в семье готовность подростков из первой группы работать над собой и своей жизнью на протяжении многих лет, неудовлетворенность своим нынешним положением, уверенность в своих силах и способностях. В то же время возможно, что члены второй группы в большей степени удовлетворены своими достижениями, ориентированы на сегодняшний день, живут здесь и сейчас и не страдают от расхождения мечты и реальности.

Значительно более высокая оценка реализованности уже упоминавшегося пункта «общественное признание» в первой группе, чем во второй, говорит об упроченном статусе этих молодых людей в социуме и о значимости для них этого положения. О том же свидетельствует высокая оценка продуктивности, активности и интересной работы в первой группе. На наш взгляд, такая позиция может быть следствием определенного стиля воспитания в семье.

Интересно, что такие значимые цели, как «здоровье», «счастье других», «материально обеспеченная жизнь», в первой группе оцениваются как наименее реализованные. Это можно объяснить, во-первых, более высокими запросами и представлениями, о чем уже не раз упоминалось, а во-вторых, неудовлетворенностью собой как следствием этих высоких запросов, диктуемых обществом. В это же время такие малозначимые ценности, как «развлечения», «общественное признание», «свобода», считаются более реализованными в первой группе, нежели во второй. Это еще раз подтверждает наше утверждение о завышенном уровне притязаний членов первой группы.

Составляя иерархию так называемых инструментальных ценностей, т. е. качеств, необходимых для наиболее эффективного проживания любых ситуаций, молодые люди, в чьих семьях есть опыт Холокоста, вновь продемонстрировали идеал рационального человека, стремящегося к достижению собственных целей. Этим объясняется выбор на три первые позиции таких ценностей, как «твердая воля», «рационализм», «эффективность в делах», в то время как во второй группе эти места занимают весьма абстрактные ценности: «честность», «ожизнерадость», «ответственность». Здесь же можно упомянуть несколько более значимые позиции таких ценностей, как исполнительность и самоконтроль, в первой группе по сравнению со второй.

О высоком уровне запросов и требований к самому себе и окружающим говорит также намного более значительная позиция ценности «непримиримость к недостаткам в себе и других» в первой группе по сравнению со второй.

Максимальные оценки реализованности в первой группе получили ценности «эффективность в делах», «рационализм», «ответственность», «исполнительность» как соответствующие уже упомянутому идеалу рациональности и признания в социуме, и в то же время «чуткость», «терпимость», «честность» как качества, способствующие пониманию других и упрочиванию своего положения в сфере эмоциональных межличностных контактов. Нужно отметить, что во второй группе «рациональные» качества занимают далеко не первые позиции в иерархии реализованности, что говорит, во-первых, о невнимании к этим качествам в семьях без экстремального прошлого опыта, а во-вторых, о незначимости этих качеств для подростков второй группы.

Реализованность ценности «широта взглядов» оценена в первой группе подростков ниже, чем во второй, а непримиримость к недостаткам в себе и других — намного выше. Это объясняется, на наш взгляд, доминированием индивидуалистической позиции и игнорированием качеств, не обеспечивающих достижения конкретно поставленной цели, о чем уже не раз упоминалось.

Молодые люди из первой группы оценили собственную образованность и исполнительность выше, чем их коллеги, что говорит о большей значимости таких понятий, как познание, образование, профессионализм для людей, в чьей социальной памяти есть опыт Холокоста.

Кроме этого, в личных беседах выяснилось, что все представители первой группы собираются получать высшее образование, в то время как во второй группе есть сомневающиеся. Более того, подростки первой группы выбирают либо сложные, требующие фундаментального научного подхода учебные заведения, либо востребованные специальности: юрист, экономист, специалист-международник. Во второй группе не наблюдалось столь яркого набора жизненных перспектив.

И последнее, на чем стоило бы остановиться, это рейтинг пункта «высокие запросы». В первой группе это № 18, во второй — № 12. Учитывая одинаковое (предпоследнее) положение в иерархии инструментальных ценностей у обеих групп, этот факт заставляет задуматься. Иными словами, подростки из семей с опытом Холокоста находят свои запросы более низкими, чем их сверстники. В данном случае опять в ход идет высокая стимуляция достижений, характерная для их родственников, когда точка отсчета смещена относительно среднестатистической.

Если рассматривать высокие запросы как требования к условиям жизни, то их заниженность в первой группе говорит о существовании более высоких запросов и требований в социуме, кои еще не достигнуты этими подростками. Другими словами, здесь молодые люди снова ориентируются на успешное позиционирование в обществе, на адаптацию в оном.

Итак, результаты вопросника ЦО показали, что подростки, чьи предки пережили Холокост, более ориентированы на успешную адаптацию и позиционирование в социуме как в рациональной, так и в эмоциональной сфере, в отличие от подростков, не имеющих предков с подобным опытом, которые ставят на первое место комфорт и гармонию внутреннего мира.

Кроме того, подростки первой группы руководствуются идеалом рационального человека, достигая определенных целей, в то время как во второй группе таких тенденций не замечалось. Вообще, представители первой группы проявляют более высокий уровень притязаний, мотивацию к достижению, ориентацию на будущее, игнорирование многих факторов, мешающих продвижению вперед.

Респонденты первой группы демонстрировали более выраженную индивидуалистическую позицию, ориентацию на личные цели. Запросы их достаточно высоки, и в то же время они признают наличие в социуме более высоких позиций с более выраженными запросами, кои являются для них ориентиром.

Все вышеперечисленное вполне согласуется с нашей гипотезой о социальной памяти как факлитаторе социальной адаптации, мотивации достижений, стремления к успешному позиционированию. В то же время результаты вопросника и рисуночных методик разрушили столь благополучное положение вещей.

Наиболее общее представление о восприятии респондентами временной перспективы мы получили из анализа рисунков. Подростки из группы с опытом Холокоста были более пессимистичны. Темным настоящее и будущее представляется им гораздо чаще, нежели чем их сверстникам, они используют более мрачные краски и символы, изображая свои впечатления от времени. То же самое можно сказать и относительно ассоциаций на слово «будущее»: пессимизма в первом случае было значительно больше.

Конкретизируя понятие «будущее», стоит отметить, что в его планировании на карьеру делают акцент 7 % подростков из первой группы и 17 % — из второй, о значимости образования говорили лишь четверо респондентов из второй группы.

Как показывает анализ ассоциаций и предложений, карьера и успех связываются с удовольствием и везением в первой группе вдвое чаще, чем во второй (25 и 12 % соответственно), неудачником же считают человека, которому не повезло, 19 % подростков из первой группы и 6 % — из второй.

Тем самым можно сделать осторожное предположение о различиях в локусе контроля респондентов, т. е. об обобщенных ожиданиях того, в какой степени они контролируют подкрепления в своей жизни²¹. Иными словами, люди с интер-

нальным локусом контроля (в данном случае подростки из второй группы) приписывают достижения и неудачи в жизни своим способностям и особенностям, в то время как экстерналы (подростки из первой группы) объясняют все события условиями внешней среды. Поэтому первые более активны, предприимчивы, целеустремленны, ответственные, лучше адаптированы в социуме. Но, повторяем, данное предположение должно оставаться на уровне такового, ибо специальных исследований на экстернальность-интернальность не проводилось.

Эти данные расходятся с идеалом рационального человека, ориентированного на достижения, стремящегося к высокооплачиваемой работе, материальному благосостоянию и опирающегося только на себя, продемонстрированном подростками из группы с опытом Холокоста в опроснике ценностных ориентаций. Гипотеза о несовпадении данных будет выдвинута в конце их анализа, в случае если подобная ситуация повторится.

На перекрестке гипотез о значимости семьи как института социализации и степени адаптивности к социуму лежат следующие данные. В группе с предельным прошлым опытом 20 % респондентов заявило, что семейная история начинается с них самих, в то время как во второй группе таковых было лишь 4 %. Вообще, «яканье» в ответах первой группы встречалось куда чаще: в ассоциациях на слова «дети», «еврей», «народ» местоимение «я» было весьма распространено.

О специфике принятия возрастных ролей и, соответственно, о степени адаптивности к взрослому миру говорят ассоциации на слово «дети», когда 9 % подростков из первой группы и 38 % подростков из второй написали слова, связанные со взрослым отношением к ним: ответственность, гордость, смысл жизни, главная ценность в жизни, надежда.

По этому поводу можно выдвинуть следующее предположение. Возможно, что в семьях с предельным опытом стиль воспитания в большей степени был центрирован на детях как продолжении жизни и высшей ценности. Ребенок, попадая в такую ситуацию, ощущает себя центром мироздания и идет по жизни с этим чувством. Тогда детский эгоцентризм так и не проходит со временем — в данном отношении человек остается инфантильным до конца дней своих. Это же подтверждает отождествление себя с детьми, характерное для подростков из группы с предельным семейным опытом, неготовность принять новые роли, нежелание перехода в мир взрослых.

Итак, обсуждая влияние опыта Холокоста в семье на социальную адаптацию подростков, можно отметить два рассогласования. С одной стороны, результаты вопросника ЦО подтверждают гипотезу 1.2 о стимулирующей адаптацию роли социальной памяти. Действительно, подростки первой группы гораздо более «социабельны», мотивированны, ориентированы на социум, уверены в своих возможностях. С другой стороны, проективные методики показывают обратные результаты, которые рассогласуются с нашей гипотезой. Пока стоит лишь констатировать это отличие, которое будет обсуждаться ниже.

3. Особенности социализации и идентификации в двух группах респондентов. Исходя из гипотезы 1.3, мы предполагали, что наличие в семейном опыте такого события, как Холокост, спровоцирует повышение значимости семьи — основного института социализации и рамок передачи информации об этом событии, и усилит национальную идентификацию — сигнальный признак принадлежности к данному событию и способ снижения экзистенциальной тревожности. Поэтому в вопросник и были включены тематиче-

ские блоки, касающиеся отношения к семье и к евреям. Были получены следующие результаты.

Пункт «семья», равнозначимый в планах на будущее в обеих группах, можно разбить на несколько подкатегорий. В первую очередь это отношение к прошлому семьи, корням и т. д. Говоря о корнях и семейной истории, подростки из группы с опытом Холокоста чаще вспоминают материальные предметы, например: фотоальбом, ваза, одежда, запах гуталина в коммуналке, одежда. Вдвое чаще история семьи начинается для этих подростков с поколений, предшествующих бабушкам и дедушкам; среди них, в отличие от другой группы, нет людей, не знающих своей генеалогии. Чаще отношение к своей семейной истории они означивают словами «дорого», «свято», «очень важно» «гордость» и т. д.

Выше ценность актуальной семейной жизни у подростков первой группы, как показали результаты вопросника ЦО. Если во второй группе за счастливую семью принималась своя будущая и, следовательно, ценность реальной невысока, то члены первой группы удовлетворены родительской семьей и степенью реализации этого пункта уже сейчас. Это может быть вызвано большей сплоченностью семей с экстремальным прошлым опытом, включенностью подростков в жизнь родительских семей, знанием о важности «тыла» в экстремальных ситуациях.

Итак, первый пункт гипотезы 1.3 подтвердился. Судя по всему, в семьях с экстремальным прошлым высока ценность актуальных родственных отношений, выражена потребность в принадлежности к семье, роду, а это достигается особой сплоченностью вокруг «очага», знанием истории семьи, неразведением прошлого и настоящего, соблюдением обычаев и традиций, сохранением семейных реликвий и ведет к особенному отношению к прошлому у детей.

Вторым пунктом выступает вопрос о национальной идентификации. Безусловно, для ее детального изучения необходимо проводить дополнительное исследование, что не входило в наши задачи, здесь же мы можем констатировать лишь некоторые аспекты. Так, например, 13 % подростков из первой группы и 30 % из второй чувствуют себя евреями «всегда», 5 % респондентов второй группы ассоциируют слово «народ» со словом «евреи» и слово «Израиль» — с собой и своей страной, в то время как в первой группе подобных ответов не было.

Подростки из семей без опыта Холокоста лучше осведомлены об особенностях национальной еврейской кухни, в меню которой есть множество их любимых блюд, они чаще соблюдают основные национальные традиции, чаще привержены традиционным нормам: брак с представителем своей национальности, значимость национальной принадлежности близких людей и т. д.

Как видно, это расходится с нашей гипотезой о том, что в семьях с экстремальным прошлым опытом больше внимания уделяется национальному воспитанию, особенно если этот опыт связан с геноцидом всего народа, и дети острее воспринимают свою национальную принадлежность как возможный источник дискриминации.

Эта ситуация, так же как и многие другие, может иметь несколько объяснений. Первое, весьма поверхностное, как раз и связано с национальной дискриминацией, когда родители, наученные горьким опытом, не считают нужным формировать национальную идентификацию у ребенка, дабы оградить его от притеснений. Второе объяснение, как и все рассогласующееся с основной гипотезой, будет дано ниже.

В заключение сопоставления полученных результатов с нашими гипотезами хотелось бы отметить подтверждение гипотезы 1.4 о влиянии социальной памя-

ти на ценностно-смысловую сферу, ибо различия в оной в двух группах респондентов констатировались во всех предыдущих разделах.

4. **Обсуждение результатов.** Кроме всего вышесказанного, хотелось бы обратить внимание на расхождение результатов методики ЦО и вопросника. Нужно отметить, что вопросы методики направлены на изучение сознательных установок, убеждений, мнений. В то же время тесты свободных ассоциаций, незаконченных предложений и рисуночные методики, как известно, выявляют бессознательный пласт. Поэтому различия между ответами на обе части исследования можно рассматривать как различия в сознательных и бессознательных установках.

Итак, данные вопросника ЦО рисуют портрет социально успешного, адаптированного человека. На наш взгляд, подростки из первой группы абсолютно четко давали социально желательные ответы, отвечали актуальным для них социальным ожиданиям, следовали стереотипу успешного человека. На сознательном уровне эти подростки стремятся соответствовать, социальное позиционирование и успешность для них выступают на первый план. Это подтверждается тем, что 13 % ассоциаций на слово «неудачник» в этой группе было «не я».

Бессознательно же они гораздо меньше соответствуют нарисованному ими же идеалу, демонстрируют инфантильность, неадаптивность, неуверенность, внешний локус контроля. Сознательное стремление к взрослости и ответственности, зашифрованное в высокой значимости счастья других, сталкивается с бессознательной неготовностью принять эту роль, идентификации себя с детьми.

В этом плане подростки, в семье у которых нет опыта Холокоста, ведут себя куда адаптивнее и успешнее, не создавая противоречия между осознанным и неосознанным статусом. Кроме того, они не страдают от несовпадения идеала и реальности, ибо эти два образования весьма недалеки друг от друга.

Возможно, это связано со стилем воспитания в семье, с идеалом социальной успешности и жесткими требованиями к соответствию этим идеалам вкупе с централизованностью на ребенке, с гиперопекой, повышенной тревожностью за жизнь и здоровье детей. Обе части этого противоречия могут быть следствием экстремального прошлого опыта в социальной памяти семьи, но в действии оно формирует вышеописанные расхождения в сознательной и бессознательной сфере. Можно предположить, что в семьях, где нет опыта Холокоста, подобное противоречие если и существует, то не столь ярко выражено. Но, повторяем, это всего лишь допущение, требующее досконального изучения стилей воспитания.

Еще одно интересное несовпадение с первоначальной гипотезой касается эмоционального отношения к войне, Холокосту, геноциду, антисемитизму. Как было замечено выше, подростки из семей, в которых нет людей, переживших Холокост, отождествляют себя с этими событиями гораздо чаще, чем подростки с опытом Холокоста в семье. На наш взгляд, это говорит не об отсутствии влияния исторических событий в рамках семьи, а о более широких рамках, о влиянии событий, касающихся всего народа, на все поколение потомков, без различия конкретного семейного опыта. Говоря обыденным языком, Холокост влияет на человека не только если его дед был в гетто, но и если в гетто был дед его соседа. Эта та самая социальная память на макроуровне, о которой говорил Г. Лебон, память всего народа в целом.

В нашем же случае подростки из обеих групп испытывали приблизительно одинаковое влияние Холокоста, с той лишь разницей, что во второй группе мо-

гут иметь место фантазийные достройки, чувство вины за лучшую участь предков, прочие механизмы, усиливающие эмоциональность и соотнесенность с Холокостом.

Еще одна гипотеза, которая возникает при анализе данных, полученных в нашем исследовании, это наличие защитных механизмов у подростков из семей с опытом Холокоста. Вполне возможно, что переживания влияния этого события настолько сильно, что подростки вытесняют эмоциональную информацию о нем, бессознательно занижая его значимость в своей жизни. Подобная же ситуация может быть и с национальной идентификацией как признаком причастности к событию, ибо продемонстрированное безразличие к своей этнической принадлежности не может быть типичным для учащихся национальной школы.

З а к л ю ч е н и е

Несмотря на неподтвердившиеся гипотезы о содержательной стороне влияния социальной памяти, факт этого влияния очевиден. Так называемая «живая память», заключенная в трудно формализуемых источниках — стиле воспитания, установках старшего поколения, изустных семейных легендах, стиле общения в семье, — трансформирует сферу сознательных и бессознательных установок, ценностных ориентаций, переживаний, что подтверждает не только факт ее существования, но и значимость дальнейшего изучения.

Несколько замечаний о перспективах данной работы.

Во-первых, возможен анализ способов хранения информации в социальной памяти. Здесь можно использовать предположение Г. М. Андреевой о скриптах, схемах и прототипах как местах и методах подобного хранения²².

Во-вторых, заслуживают внимания такие трудно формализуемые способы передачи информации, как стиль воспитания в семье, жизненные установки представителей старшего поколения, их отношение к миру и к себе в нем. Некоторые предположения уже были сделаны в ходе нашего исследования, но, безусловно, они недостаточны.

В-третьих, стоит рассмотреть социальную память и на примере более отдаленных событий, в таком случае можно будет проанализировать и трансформацию влияния через поколения, проследить динамику напряженности, отметить критические точки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Т а б л и ц а 1. Иерархия терминальных ценностей в группах подростков, в чьих семьях присутствует и отсутствует опыт Холокоста

№ п/п	Потомки побывавших в гетто	№ п/п	Потомки не бывавших в гетто
1	2	3	4
1	Счастливая семейная жизнь	1	Любовь
2	Счастье других	2	Здоровье
3	Интересная работа	3	Наличие хороших верных друзей
4	Здоровье	4	Уверенность в себе
5	Любовь	5	Счастливая семейная жизнь
6	Наличие верных друзей	6	Развитие
7	Материально обеспеченная жизнь	7	Жизненная мудрость
8	Познание	8	Активная деятельная жизнь
9	Активная деятельная жизнь	9	Свобода
10	Жизненная мудрость	10	Интересная работа

1	2	3	4
11	Творчество	11	Материально обеспеченная жизнь
12	Продуктивная жизнь	12	Познание
13	Уверенность в себе	13	Творчество
14	Красота природы и искусство	14	Счастье других
15	Свобода	15	Продуктивная жизнь
16	Развитие	16	Красота природы и искусство
17	Общественное признание	17	Развлечения
18	Развлечения	18	Общественное признание

Т а б л и ц а 2. Оценка степени реализованности терминальных ценностей в группах подростков, в чьих семьях присутствует и отсутствует опыт Холокоста

№ п/п	Потомки побывавших в гетто	№ п/п	Потомки не бывавших в гетто
1	Наличие верных друзей	1	Наличие хороших верных друзей
2	Развлечения	2	Здоровье
3	Счастливая семейная жизнь	3	Свобода
4	Любовь	4	Активная деятельная жизнь
5	Активная деятельная жизнь	5	Развлечения
6	Свобода	6	Материально обеспеченная жизнь
7	Общественное признание	7	Развитие
8	Продуктивная жизнь	8	Любовь
9	Творчество	9	Красота природы и искусство
10	Познание	10	Уверенность в себе
11	Интересная работа	11	Общественное признание
12	Здоровье	12	Познание
13	Счастье других	13	Творчество
14	Уверенность в себе	14	Счастливая семейная жизнь
15	Материально обеспеченная жизнь	15	Продуктивная жизнь
16	Жизненная мудрость	16	Счастье других
17	Красота природы и искусство	17	Интересная работа
18	Развитие	18	Жизненная мудрость

Т а б л и ц а 3. Иерархия инструментальных ценностей в группах подростков, в чьих семьях присутствует и отсутствует опыт Холокоста

№ п/п	Потомки побывавших в гетто	№ п/п	Потомки не бывавших в гетто
1	Твердая воля	1	Честность
2	Рационализм	2	Жизнерадостность
3	Эффективность в делах	3	Ответственность
4	Чуткость	4	Смелость в отстаивании собственного мнения, взглядов
5	Жизнерадостность	5	Широта взглядов
6	Смелость в отстаивании собственного мнения, взглядов	6	Независимость
7	Воспитанность	7	Чуткость
8	Ответственность	8	Твердая воля
9	Исполнительность	9	Воспитанность
10	Непримиримость к недостаткам в себе и других	10	Рационализм
11	Терпимость	11	Исполнительность
12	Независимость	12	Терпимость
13	Самоконтроль	13	Образованность
14	Образованность	14	Аккуратность
15	Аккуратность	15	Самоконтроль
16	Честность	16	Эффективность в делах
17	Высокие запросы	17	Высокие запросы
18	Широта взглядов	18	Непримиримость к недостаткам в себе и других

Т а б л и ц а 4. Оценка степени реализованности инструментальных ценностей в группах подростков, в чьих семьях присутствует и отсутствует опыт Холокоста

№ п/п	Потомки бывших в гетто	№ п/п	Потомки не бывших в гетто
1	Эффективность в делах	1	Аккуратность
2	Чуткость	2	Честность
3	Рационализм	3	Широта взглядов
4	Терпимость	4	Чуткость
5	Ответственность	5	Воспитанность
6	Честность	6	Независимость
7	Жизнерадостность	7	Ответственность
8	Широта взглядов	8	Терпимость
9	Исполнительность	9	Эффективность в делах
10	Независимость	10	Самоконтроль
11	Воспитанность	11	Жизнерадостность
12	Образованность	12	Высокие запросы
13	Самоконтроль	13	Исполнительность
14	Непримиримость к недостаткам в себе и других	14	Рационализм
15	Смелость в отстаивании собственного мнения, взглядов	15	Твердая воля
16	Аккуратность	16	Смелость в отстаивании собственного мнения, взглядов
17	Твердая воля	17	Образованность
18	Высокие запросы	18	Непримиримость к недостаткам в себе и других

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кафка Ф.* Замок; Новеллы и притчи; Письмо отцу; Письма Милене. М., 1991. С. 28.

² *Андреева Г. М.* Психология социального познания. М., 1997.

³ *Kaslow F. W.* A Holocaust Dialogue Continues: Voices of Descendants of Victims and of Perpetrators // J. Family Psychotherapy. 1998. Vol. 9(1). P. 126.

⁴ *Тард Г.* Социальная логика. СПб., 1996.

⁵ Там же. С. 151.

⁶ *Лебон Г.* Психология народов и масс. М., 1995.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и школа анналов. М., 1993. С. 79; История ментальностей, историческая антропология. М., 1996. С. 46.

⁹ История ментальностей... С. 49.

¹⁰ Там же. С. 56.

¹¹ *Гуревич А. Я.* Указ. соч. С. 67.

¹² Там же. С. 69.

¹³ История ментальностей... С. 79.

¹⁴ *Донцов А. И., Емельянова Т. П.* Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987. С. 26.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Цит. по: Там же. С. 56.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ *Исполатова Е. Н., Николаева Т. П.* Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности // Вопр. психологии. 1998. № 6. С. 23.

²⁰ *Kaslow F. W.* Op. cit. P. 56.

²¹ *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб., 1997. С. 49.

²² *Андреева Г. М.* Указ. соч. С. 25.